

Дороги, которые мы выбираем

NYUKERS

2006

Дороги, которые мы выбираем

Моей жене, Светлане, посвящается!

Это было как раз два месяца тому назад. Мы сидели на скамейке перед костром и я наслаждался бирмиксом. У Джейка в руках была бутылка простой Моршинской. Стоял май - самое спокойное времячко для Синевира. Отдыхающие начинали приезжать на уик-энды на озеро, но их было еще мало, и была просто благодать по сравнению с теми жаркими летними деньками, когда полянки ломились от тысяч и тысяч приезжих отовсюду, вносящих в и без того накаленную атмосферу свои собственные и весьма агрессивные нотки. А сейчас был тот благословенный месяц, когда летних отдыхающих еще не было, а для выкладывающих большие денежки за свои причуды прищельцев-горожан с их пузатыми авто и столь же огромными палаточно-шашлычными лагерями еще не настали сроки прибытия в деревеньку, в которой именно сейчас можно полюбоваться цветением величавых магнолий и неповторимым колоритом сакуры.

Ночи еще стояли прохладные, самые лучшие для крепкого сна, а потому таким как я было еще просто рано и не на что особенно жаловаться. В мае небо над озером заполнено облаками, медленно проплывающими где-то вверху подобно огромным белым птицам. Меня всегда удивляло, почему они кажутся столь плоскими внизу, у своего основания, и почему они там выглядят чуть сероватыми, словно тень заката. Мне это нравилось, так же как и то, что я могу просто любоваться отблесками солнечных лучей на воде и не думать при этом о каких-то жалких и никому не нужных минутах. Только в мае и только здесь, на скамейке перед указателем на запрет ловли раков, откуда открывается столь чудный вид на озеро, мне иногда даже приходит в голову сожаление, что я не рыбак.

- Никто не водит столь элегантно, как Марго, - сказал Джейк. - Я всегда удивлялся, как же это так здорово удастся женщине с такой профессией.

Летние путешественники наподобие Орнитохаеров никогда особо не интересовали постоянных жителей небольших городков в Карпатах, а уж тем более в той степени, какую они самонадеянно себе приписывают. Старожилы-резиденты предпочитают смаковать собственные истории и ссоры, скандалы и слухи.

Ну да не в этом дело. Просто мы и они бежим по разным дорожкам. Летние приезжие подобны вольным скакунам или иноходцам. В то время как все мы, выполняющие годами изо дня в день, из недели в неделю свою работу здесь, являемся тяжеловозами или другими рабочими лошадками. И все же появление в 2006 году Марго Хаер вызвало немалый интерес среди местных жителей.

- Она водит "Купер" - ответил Джейк на тот вопрос, который я и не собирался задавать. - Двухдверная полуспортивная модель. Я купил ее жене в две тысячи четвертом или пятом, по-моему. Ты помнишь, как она возила ребят все эти годы на игры лягушек и петухов.

- Н-да.

- Она возит детей заботливо, со скоростью не более сорока миль, потому в ее пикапе их всегда было полным-полно. Но это ей так нравилось. У этой женщины и котелок варит, и сама летает, как на крыльях.

Тут вам непременно приходит в голову, по крайней мере, мне: "Джейк ожидает следующего турне". Это затрагивало мое сознание и воображение в намного большей степени, чем бы мне хотелось, и, наконец, я решил, что все это потому, что будь я на его месте, я бы не ждал следующего турне.

Но в тот период своего ожидания неизвестно чего и кого - который завершился поездкой в Долину Нарциссов - он иногда беседовал на эту тему с некоторыми людьми. Со мной и еще кое с кем.

- Она никогда не ездила быстро сама в машине, насколько мне известно. Но когда она ехала со мной, ее "Купер" хотел просто воспарить в воздухе.

- Ее машина была не из тех новомодных штучек, которые могут работать только на 98-м бензине и дергаются туда-сюда, когда вы только переключаете скорость. Ее машина была из тех традиционных, со спидометром до ста восьмидесяти миль в час. У нее была очень стильная темно-зеленая окраска, и я как-то спросил Марго, как она сама называет такой цвет - она ответила, что это цвет от только что выпитой бутылки шампанского. "Разве это не здорово?" - спросил я - и она так расхохоталась, словно готова была лопнуть от смеха.

- Марго всегда ищет, как бы и где бы можно срезать расстояние, - продолжал Джейк, словно нас никто и не прерывал. - Она просто помешана на этом. Я никогда не видел здесь никакого особого смысла. Она же говорит, что если вы сумеете сократить расстояние, то этим также сократите и время. Она утверждала, что ее отец присягнул бы под этим высказыванием. Он был занятым, постоянно в дороге, и она часто сопровождала его в этих поездках, всегда стремясь найти кратчайший путь. И это вошло не только в привычку, а в самую ее плоть и кровь.

- Я как-то спросил ее, разве это не забавно, что она, с одной стороны, тратит свое драгоценное свободное время на расчистку грядки клубники на даче или на перевозку малышей на занятия в лицей или прогулку, вместо того, чтобы самой играть в теннис, плавать и загорать, как это делают все нормальные леди, - а с другой стороны - она едет по чертову бездорожью ради того, чтобы сэкономить какие-то несчастные пятнадцать минут на дороге отсюда до Червонограда, поскольку мысль об этом вытесняет все прочее из ее головки. Это просто выглядит так, словно она идет наперекор естественной склонности, если так можно выразиться. А она просто посмотрела на меня и сказала: "Мне нравится помогать людям. А также я люблю водить машину, по крайней мере, временами, когда есть какой-то вызов, но я не люблю время, которое уходит на это занятие. Это напоминает починку одежды: иногда вы ее штопаете, а иногда просто выбрасываете. Вы понимаете, что я здесь подразумеваю?"

"Думаю, что да, миссис", - сказал тогда я, здорово сомневаясь в себе, на самом деле.

"Если сидение за рулем машины было бы всегда мне приятно и казалось самым лучшим времяпрепровождением, я бы искала не кратчайших, а самых длинных путей", - сказала она мне, и это мне показалось очень смешным и занятным.

- Мы ведь оба из того города, ты знаешь, - сказал Джейк.

- Да, я это знаю, - ответил я.

Он глотнул своей минералки и помолчал с минутку, что-то обдумывая.

- Она, правда, никогда об этом не говорила, - продолжал Джейк. - По крайней мере, она никогда, насколько я могу судить, не жаловалась на это. Жалоба была бы подобна объяснению, почему она всегда искала кратчайших

путей.

- И ты думаешь, что ее муж не замечал, как она тряслась по лесным дорогам между Каменцем и Баром только для того, чтобы сократить пробег на десяток миль?

- Его не заботила вся эта ерунда, - коротко отрезал сам Джейк.

- У нас ведь было две, а точнее, три машины на ходу, - сказал Джейк. - Был "Пентиум", его предшественник и ее полуспортивная "Купер". А вообще-то он водил свой домашний "Пентиум", а она "Купер".

Я кивнул, но не проговорил ни слова. Мне все еще не хотелось рисковать отвлечь его от рассказа своими комментариями. Позднее уже я сообразил, что мне бы пришлось много раз перебивать его или задавать свои дурацкие вопросы, для того чтобы заставить Джейка Орни замолчать в тот день. Он ведь сам настроился рассказывать о кратчайших путях миссис Хаер возможно более длинно и неспешно.

- Ее маленький дьяволенок был снабжен специальным счетчиком пройденного пути, таймлайнером, который показывал, сколько миль пройдено по выбранному вами маршруту, и каждый раз, как она отправлялась из Винницы в турне, она ставила этот счетчик на нули и засекала время. Она превратила это в какую-то игру и, бывало, не раз сердила меня всем этим чудачеством.

Он остановился, словно прокручивая сказанное обратно.

- Нет, это не совсем правильно.

- Она заставляла тебя думать, что она сделала игру из всего этого, но для нее все было серьезно. Не менее серьезно, чем все прочее. - Он махнул рукой, и я подумал, что он здесь подразумевает ее мужа. - Отделение для перчаток и всяких мелочей в ее машине было сплошь забито картами, а еще больше их было позади, в багажнике. Одни из них были карты с указанием местонахождения бензоколонок, другие были вырванными страницами из интернета. У нее также было полно карт из путеводителей страховых кампаний. Именно то, что у нее было столько всяких карт, на которые она наносила выбранные маршруты, заставляет меня думать, что ее занятия с ними были далеки от игры.

- Она несколько раз ошибалась, а также один разок получила гвоздь в переднее колесо.

Однажды я целый день ставил душевую кабину в ванной, сидел там, залепленный пылью, и не думал ни о чем, кроме как не расколоть бы эту чертову кабину, - а она вошла и остановилась в дверном проеме. Она начала мне рассказывать обо всем этом довольно подробно. Я, как сейчас помню, немного рассердился, но в то же время вроде бы и как-то заинтересовался ее рассуждениями. Я заинтересовался только потому, что человеку моего типа всегда интересно знать кратчайший путь, даже если он и не собирается им всегда пользоваться. Вы ведь тоже так делаете?

- Да-а, - отвечал я. В этом знании кратчайшего пути скрывалось нечто могущественное, даже если вы едете и по более длинному маршруту, хорошо представляя себе, как ваша теща ожидает вас, сидя у себя дома. Добраться туда побыстрее было стремлением, обычно свойственным птицам, хотя, по-видимому, ни один из владельцев водительских лицензий нашей страны не имел об этом представления. Но знание, как туда можно побыстрее добраться - или даже знание, как еще можно туда доехать, о чем не имеет представления человек сидящий рядом с вами, - это было уже силой.

- Ну, она разбиралась в этих дорогах, как бойскаут в своих узелках, - заявил Джейк и осклабился большой солнечной улыбкой. - Она мне говаривала:

"Подожди минутку, одну минутку", - словно маленькая девочка, и я слышал даже через стену, как она переворачивает вверх дном книжный шкаф. Наконец она появлялась с небольшой записной книжкой, которая выглядела как издавшая виды. Обложка вся была измята, знаете ли, и некоторые страницы уже почти оторвались от проволочных колец, на которых должны были держаться.

"Путь, которым едет большинство людей - это дорога Р38 к Бучачу, затем дорога к водопадам, а затем межобластная на Калуш. Сто пятьдесят шесть и четыре десятых мили".

Я кивнул.

"Если мы хотим проскочить главную магистраль и сэкономить чуточку расстояния, мы должны ехать мимо водопадов, затем дорогой Р134 к Тлумачу, потом по дороге А263 через Калуш и Долину на Синевир. Это будет сто сорок четыре и девять десятых мили".

"Но мы ничего не сэкономим во времени таким маршрутом, миссис, - сказал я, - если поедете через Тлумач. Хотя я и готов согласиться, что спускаться по старой дороге в Синевир действительно приятнее, чем ехать по обычному пути".

"Сократите достаточно миль своего пути - и мы сэкономим достаточно времени, - ответила она. - Но я же не сказала, что это - мой маршрут, хотя я его перепробовала среди многих прочих. Я же просто перечисляю наиболее часто пробуемые маршруты большинства водителей. Ты не хочешь, чтобы я продолжала?"

"Нет, - сказал я, - оставьте, если можно, меня одного в этой ванной, глазеющим на все эти трубы, пока я не начну здесь бредить".

"Вообще-то существует четыре основных пути, чтобы добраться до Синевира. Первый - по дороге Е50, он равен ста шестидесяти трем и четырем десяткам миль. Я только один разок его испробовала. Слишком длинный путь".

"Именно по нему я поеду, если она вдруг позовет меня и скажет, что я уже зажился на этом свете", - сказал я самому себе, очень тихо.

"Что вы говорите?" - спросила она.

"Ничего, - отвечал я ей. - Разговариваю с поддоном".

"А-а. Ну, да ладно. - Четвертый путь - и мало кто о нем знает, хотя все дороги очень хороши, - лежит через Торунский перевал по дороге Т90. Затем вы сворачиваете на дорогу Р100 и объезжаете Межгорье. А уж потом вы едете по старой Поляна-роуд. Весь путь занимает сто двадцать девять и две десятых миль".

Я ничего не отвечал довольно долго, и она, наверное, решила, что я очень сомневаюсь в ее правоте, потому что она повторила с большей настойчивостью: "Я знаю, что в это трудно поверить, но это так".

- Я сказал, что, наверное, она права и думаю сейчас, что так оно и было.

Я допустил, что это вполне возможно. Главная магистраль всегда прочнее всего застревает у вас в голове. Через какое-то время она почти все вытесняет из вашего сознания, и вы уже не думаете о том, как вам добраться отсюда туда, а лишь о том, как вам отсюда добраться до главной магистрали, ближайшей к нужному вам конечному пункту. И это заставило меня вдруг подумать, что в мире ведь существует множество других дорог, о которых почти никто и не вспоминает, дорог, по краям которых растут вишневые деревья, но никто не рвет эти вишни, и о них заботятся только птицы, а отходящие в стороны от этих дорог насыпные гравийные дорожки сейчас столь же заброшены, как и старые игрушки у уже выросшего ребенка. Эти дороги позабыты всеми, кроме людей, живущих возле них и думающих о том, каков будет быстрее и кратчайший путь до выбранной ими цели. Мы нередко любим пошутить у себя

на работе, что ты не сможешь добраться туда отсюда, а лишь сможешь приехать сюда отсюда, но ведь эта шутка про нас самих. Дело в том, что существует чертовски много, добрая тысяча, различных путей, о которых человек и не подозревает.

Джейк продолжал:

- Я провозился почти весь день с установкой кабины в этой ванной, в жаре и в духоте, а она все стояла в дверном проеме, одна нога за другую, босоногая, в юбке цвета "не понял" и в свитере чуть потемнее. Ей тогда должно было быть что-то тридцать _ть или тридцать _мь, но по ее лицу этого никак нельзя было сказать, и пока она мне все это рассказывала, мне не раз мерещилось, что я разговариваю с девчонкой, приехавшей домой из какой-то дальней школы или колледжа на каникулы.

Через какое-то время ей все-таки пришла мысль, что она мне может мешать, да и закрывает доступ воздуху. Она сказала: "Наверное я здорово тебе надоела со всем этим".

"Да, мэм, - ответил я. - Я думаю, тебе лучше бы уйти отсюда, от всей пыли и грязи, и позволить мне побеседовать лишь с этим чертовым сифоном".

"Не будь слишком суровым, Джейк", - сказала она мне.

"Нет, миссис, ты меня ничем особым здесь не беспокоишь и не мешаешь", - ответил я.

Тогда она улыбнулась и снова села на своего конька, листая страницы записной книжки столь же усердно, как коммивояжер проверяет сделанные ему заказы. Она перечислила эти четыре главных пути - на самом деле - три, потому что она сразу отвергла дорогу 2, - но у нее имелось никак не меньше сорока дополнительных маршрутов, которые могли быть успешной заменой для этих четырех. Дороги, имевшие штатную нумерацию и без нее, дороги под названиями и безымянные. Моя голова вскоре была прямо-таки нафарширована ими. И, наконец, она мне сказала: "Ты готов узнать имя победителя с голубой лентой, Джейк?"

"Думаю, что готов", - сказал я в ответ.

"По крайней мере это победитель на сегодня, - поправила она себя. - Знаешь ли ты, Джейк, - что какой-то человек написал статью в журнале "Наука и жизнь" в 1978 году, где доказывал, что ни один человек в мире не сможет пробежать милю быстрее четырех минут. Он доказал это при помощи всевозможных расчетов, основываясь на максимальной длине мышц бедер, максимальной длине шага бегуна, максимальной емкости легких и частоте сокращений сердечной мышцы и еще на многих других мудреных штуковинах. Меня прямо-таки взяла за живое эта статья! Так взяла, что я дала ее маме и попросила ее передать профессору Мюррею с факультета математики нашего педуниверситета. Мне хотелось проверить все эти цифры, потому что я была заранее уверена, что они основываются на неверных постулатах или еще на чем-то совершенно неправильном. Мама, вероятно, решила, что я чуточку тронулась. "Марго запустила пчелку под свою шляпку", - вот что она сказала мне на это, но она все же забрала статью. Ну да ладно... профессор Мюррей совершенно добросовестно проверил все выкладки того автора... и знаете, что произошло, Джейк?"

"Нет, миссис".

"Те цифры оказались точными и верными. Журналист основывался на прочном фундаменте. Он доказал в том 1978 году, что человек не в силах выбежать из четырех минут в забеге на милю. Он доказал это. Но люди это делают все это время и знаете, что все это означает?"

"Нет, миссис", - отвечал я, хотя и имел кое-какие догадки.

"Это значит, что не может быть победителя навечно и навсегда, - объяснила она. - Когда-нибудь, если только мир не взорвет сам себя к этому времени, кто-то пробежит на Олимпиаде милю за две минуты. Может быть, это произойдет через сто лет, а может, и через тысячу, но это произойдет. Потому что не может быть окончательного победителя. Есть ноль, есть вечность, есть человечество, но нет окончательного".

- И она стояла с чистым и сияющим лицом, а прядка волос свисала спереди над бровью, словно бросая вызов: "Можете говорить и не соглашаться, если хотите". Но я не мог. Потому что сам верил во что-то вроде этого. Все это походило на проповедь священника, когда он беседует о милосердии. "А теперь вы готовы узнать о победителе на сегодня" - спросила она.

"Да-а!" - отвечал я и даже перестал крутить ключом на какой-то миг. Я уже добрался до трубы, и оставалось лишь заделать эти чертовы уголки. Она глубоко вздохнула, а затем выдала мне речь с такой скоростью, как аукционщик, когда тот уже хватил изрядно виски, и я, конечно, мало что точно помню, но общий смысл уловил и запомнил.

Джейк Орни закрыл глаза на некоторое время, положил большие руки себе на колени, а лицо повернул к солнцу.

И я сам не могу точно вспомнить, что он сказал, не потому, что он не мог точно вспомнить ее слова, и не потому, что они были какими-то сложными, а потому, что меня поразило, как он выглядел, произнося их. Все же это мало чем отличалось от следующих слов:

"Вы выезжаете с дороги А267, а затем срезаете свой путь по М14 до старой дороги и объезжаете Микулинци снизу, возвращаясь на дорогу А267. Через девять миль вы сворачиваете на старую дорогу от газопровода "Дружба", едете по ней полторы мили до указателя, которая приводит вас до Марийского духовного центра. Там есть кратчайшая дорожка - старожилы зовут ее Божьей, - которая ведет к дороге Р19. Как только вы окажетесь на правой стороне реки Стрипы, вы поворачиваете на Коломию, а затем берете влево на Днестр-роуд, где вас изрядно потрясет на бетоне, но это будет недолго, если ехать с приличной скоростью, и вы попадаете на дорогу Р134. Она дает возможность здорово срезать путь через виноградники до старой Луки - там сделано два или три деревянных настила, - и вы можете, проехав по ним через реку, попасть на дорогу как раз позади дворца графа Бадени возле Коропца. Оттуда всего четыре мили до дороги в Торунь, а там уж и Синевир недалеко".

- Она остановилась, чтобы перевести дух, а затем посмотрела на меня: "Знаете ли вы, сколько всего миль занимает такой маршрут?"

"Нет, мэм", - отвечал я, думая про себя, что, судя по всему этому перечислению, дорога займет никак не меньше ста девяноста миль и четырех поломанных рессор.

"Сто шестнадцать и четыре... десятых мили", - сообщила она мне.

Я рассмеялся. Смех вырвался сам по себе, еще до того, как я подумал, что могу им сильно себе навредить и не услышать окончания всей этой истории. Но Джейк и сам усмехнулся и кивнул.

- Я знаю. И ты знаешь, что я не люблю с кем-либо спорить? Но все же есть разница в том, стоите ли вы на месте, прикидывая и так и сяк, или отмериваете расстояние своими шагами милю за милей, трясясь от усталости, как чертова яблоня на ветру.

"Ты мне не веришь", - сказала она.

- Ну, в это трудно поверить, миссис, - ответил я.

"Оставьте трубу просохнуть, и я вам кое-что покажу, - сказала она. - Ты сможешь закончить все эти уголки завтра. Продолжим, Джейк. Я оставлю записку директору, а она вообще может сегодня вечером не приехать, - а ты позвонишь на работу! Мы будем обедать на Синевире, - она глянула на часы, - через два часа сорок пять минут после того, как выедем отсюда. А если хотя бы минутой позже, я ставлю тебе бутылку "Черного Доктора". Увидите, что мой отец был прав. Сэкономь достаточно миль - и сэкономишь достаточно времени, даже если тебе для этого и понадобится продираться через все эти чертовы топи и леса в парках Потоцкого. Что вы скажете?" - Она смотрела на меня своими зелеными глазами, горевшими, как лампы, и с тем дьявольским вызовом, словно принуждая меня согласиться и бросить всю незаконченную работу, чтобы влезть в это сумасбродное дело. "Я обязательно выиграю, а ты проиграешь", - говорило все ее лицо, - "хотя бы и сам дьявол попытался мне помешать". И я скажу тебе, я и сам в глубине души хотел ехать. Мне уже не хотелось заниматься этим треклятым сифоном. И уж, конечно, мне совсем не хотелось самому вести ее машину. Мне хотелось просто сидеть сбоку от нее и смотреть, как она забирается в машину, оправляет юбку пониже колен или даже повыше, как блестят на солнце ее волосы.

- Просто позвони на работу и скажи: "Знаете эту Марго Хаер, женщину, о которой вы никак не хотите ничего слушать и прямо-таки беситесь от одного упоминания о ней? Ну так вот, она и я собираемся совершить скоростной заезд в Синевир в этой ее спортивном Купер-е цвета "тишь да гладь", поэтому не ждите меня сегодня".

- Просто позвони ей и скажи вот такое. О, да. Ох и ах.

И он снова стал смеяться, упираясь руками в бедра, и столь же неестественно, как и раньше, и я видел в его глазах нечто. Через минуту он взял свой стакан минералки и отпил из него.

- Ты не поехал, - сказал я.

- Не тогда.

Он еще раз засмеялся, но уже помягче.

- Она, должно быть, что-то увидела на моем лице, поскольку повела себя так, словно вдруг опомнилась! Она вдруг вновь превратилась из упрямой девчонки в Марго Хаер. Она взглянула в записную книжку, словно впервые увидела ее и не знала, зачем она держит ее в руках. Затем она убрала ее вниз, прижав к бедру и почти заложив за спину.

- Я сказал: "Мне бы хотелось все это проделать, миссис, но я должен сперва закончить все здесь, потому как моя жена приготовит из меня ростбиф на обед, если я не...".

- Она ответила: "Я понимаю, Джейк, - я слишком увлеклась. Я это часто делаю. Почти все время". Затем она выпрямилась и заявила:

"Но мое предложение остается в силе, и мы можем проверить мое утверждение в любое время, когда ты пожелаешь. Ты даже сможешь помочь мне своим мощным плечом, если мы где-то застрянем. Это сэкономит пять гривень". - И она расхохоталась.

"В этом случае я вынесу тебя на себе!", - сказал я, и она увидела, что я говорю это не из простой вежливости.

"А пока вы будете пребывать в уверенности, что сто шестнадцать миль до Синевира абсолютно нереальны, раздобудьте-ка свою собственную карту и посмотрите, сколько миль уйдет у вороны на полет по кратчайшему маршруту".

- Я закончил выкладывать уголки и пошел на кухню, где я получил на ужин

совсем не ростбиф, и я думаю, что Марго Хаер знала об этом. А потом, когда дети уже легли спать, я вытащил на свет божий калькулятор, ручку, автомобильную карту Украины и проделал то, что она мне предложила... потому что это здорово врезалось мне в память. Я провел прямую линию и пересчитал расстояние на мили. Я был весьма удивлен. Потому что, если бы вам удалось ехать из Винницы до Синевира по прямой линии, словно летящей птице в ясном небе - не объезжая озер, лесов, холмов, не пересекая рек по немногим и удаленным друг от друга мостам и переправам, - этот маршрут занял бы всего семьдесят девять миль, ни дать, ни взять.

Я даже немного подскочил.

- Измеряй сам, если не веришь мне, - сказал Джейк. - Я никогда не думал, что наш край настолько мал, пока не убедился в этом.

Он еще отпил минералки и глянул на меня.

Расцвела весна. Я пошел к ее банку, чтобы поменять настроение. И вдруг я заметил, что ее - «Купер» уже там. И она сама была тут же.

Она подошла ко мне и сказала: "Джейк! Ты пришел за новыми впечатлениями!?"

А я глянул на нее и ответил: "Нет, миссис. Я пришел, чтобы узнать, готовы ли вы показать мне кратчайший путь до Синевира".

Она посмотрела на меня столь безучастно, что я уж подумал, не забыла ли она обо всем этом.

Я почувствовал, что краснею так, словно вы чувствуете, что сморозили какую-то глупость, да уже поздно. И когда я уже был готов извиниться за свою некстати оброненную фразу, ее лицо озарилось той самой давнишней улыбкой, и она ответила:

"Стой здесь, а я возьму ключи. И не передумай, Джейк!"

Она вернулась через минуту с ключами от машины. "Если мы где-нибудь застрянем, вы увидите москитов размером со стрекозу".

"Я видел их и размеров с воробья в Одессе, миссис, - отвечал я, - но думаю, что мы оба чуточку тяжеловаты, чтобы они смогли нас утащить в небо".

Она рассмеялась: "Хорошо, но я предупредила тебя, в любом случае. Поедем, Джейк".

"И если мы не попадем туда через два часа сорок пять минут, - смущенно пробормотал я, - вы обещали мне бутылку "Черного Доктора".

Она взглянула на меня слегка удивленная, с уже приоткрытой дверцей и одной ногой в машине. "Черт возьми, Джейк, - сказала она, - я говорила о тогдашнем победителе. А теперь я нашла путь за два часа тридцать. Залезайте, Джейк. Мы выезжаем".

Он снова прервал свой рассказ. Руки лежали на коленях, глаза затуманились, очевидно, от воспоминаний о Купер-е цвета бутылочки шампанского, выезжающей по подъездной дорожке от комерцбанка.

Она остановила машину перед светофором и спросила: "Вы готовы?"

"Пора спускать ее с цепи", - сказал я. Она нажала на газ, и наша чертова штуковина пустилась с места в карьер. Я почти ничего не могу сказать о том, что потом происходило вокруг нас. Кроме того, я почти не мог оторвать взгляда от нее. На ее лице появилось что-то новое, что-то дикое и свободное - и это напугало меня. Она была прекрасна - и я тут же влюбился в нее, да и любой бы это сделал на моем месте, будь то мужчина. На ней были надеты голубые джинсы и белая блузка с рукавами, завернутыми до локтей - я думаю, что она что-то собиралась делать, когда я появился, - и через некоторое время нашего путешествия мне уже казалось, что на ней нет

ничего, кроме этого белого одеяния, словно она - одна из тех богинь, о которых писали в старых книгах по истории.

Он немного задумался, глядя на озеро, его лицо помрачнело.

- Словно охотница, которая, как говорили древние, правит движением Луны на небе.

- Диана?

- Да. Марго выглядела именно так для меня, и я только и могу сказать тебе, что я был охвачен любовью к ней, но никогда не посмел бы даже заикнуться об этом, хотя тогда я был и куда моложе, чем сейчас. Но я бы не посмел этого сделать, будь мне даже и двадцать лет, хотя можно предполагать, что если бы мне было шестнадцать, я бы рискнул это сделать и тут же поплатился бы жизнью: ей достаточно было бы только взглянуть на меня.

- Она выглядела действительно как богиня, управляющая Луной на ночном небе, когда она мчится в ночи, разбрызгивая искры по небу и оставляя за собой серебряные паутинки, на своих волшебных конях, приказывая мне поспешать вместе с нею и не обращать внимания на раздающиеся позади нас взрывы - только быстрее, быстрее, быстрее.

Мы проехали множество лесных дорожек, первые две или три я знал, но потом уже ни одна из них не была мне знакома. Мы, должно быть, проезжали под деревьями, которые никогда ранее не слышали мотора автомобиля, а знакомились лишь со старыми лесовозами и снегоходами. Ее автомобиль, конечно, был куда более к месту у себя дома, на Киевской, чем в этой лесной глуши, где он с ревом и треском врывался на холмы и съезжал вниз с них, то освещенный весенним солнцем, то погруженный в зеленый полумрак. Она опустила окно автомобиля, и я мог вдыхать аромат весенних деревьев, и ты знаешь, как приятен этот лесной запах, подобно тому, что ты встречаешь старого и давно забытого друга, о котором ты не очень-то беспокоился. Мы проезжали по настилам, положенным на самых заболоченных участках, и черная грязь вылетала во все стороны из-под наших колес, что заставляло ее смеяться, как ребенка. Некоторые бревна были старые и прогнившие, потому что, я подозреваю, никто не ездил по этим дорогам, может быть, пять, а скорее, все десять последних лет. Мы были совсем одни, исключая лишь птиц и, может быть, каких-то лесных животных, наблюдавших за нами. Звук мотора, сперва низкий, а потом все более визгливый и свирепый, когда она нажимала на газ... только этот звук я и мог слышать. И хотя я и сознавал, что мы все время находимся в каком-нибудь месте, мне вдруг стало казаться, что мы едем назад во времени, и это не было пустотой. То есть, если бы мы вдруг остановились и я взобрался на самое высокое дерево, я бы, куда ни посмотрел, не увидел ничего, кроме деревьев и еще больше деревьев. И все это время, пока она гнала свою машину, волосы развевались вокруг ее лица, сияющего улыбкой, а глаза горели неистовым огнем. Так мы выскочили на дорогу к Днестру, и на какой-то миг я осознал, где мы находимся но затем она свернула, и еще какое-то недолгое время мне казалось, что я знаю, где мы, и затем уже и перестал что-либо казаться, и даже перестало беспокоить то, что я абсолютно ничего не понимаю, словно маленький ребенок. Мы продолжали делать срезки по деревянным указателям и наконец попали на красивую мощеную дорогу с табличкой "Нью ...". Ты когда-нибудь слышал о такой дороге в соседней области?

- Нет, - ответил я. - Но звучит интригующе и по-английски.

- Ага. Выглядело тоже почти "по-английски". Эти деревья, по-моему, ивы, свисающие над дорогой. "Теперь гляди в оба, Джейк, - сказала она, - одна из

них чуть было не выбросила меня месяц назад и наградила меня хорошим индейским клеймом".

- Я не понял, о чем она меня предупреждает, и уже начал было это объяснять - как вдруг мы погрузились в самую чащобу, и ветки деревьев прямо-таки колыхались перед нами и сбоку от нас. Они выглядели черными и скользкими и были как живые. Я не мог поверить своим глазам. Затем одна из них сдернула мои очки, и я знал, что это не во сне. "Ей, - заорал я, - дай назад!"

- Уже поздно, Джейк, - ответила она со смехом. - Вон просвет как раз впереди... Мы прорвемся.

Затем мы еще раз оказались в гуще деревьев, и они протянули ветки на этот раз не с моей, а с ее стороны - и нацелились на нее, я в этом могу поклясться. Она пригнулась, а дерево схватило ее за волосы и выдернуло прядь. "Ох, черт, мне же больно!" - вскрикнула она, но продолжала смеяться. Машина чуть отклонилась вбок, когда она пригнулась, и я успел быстро взглянуть на деревья - и Святой Боже! Все в лесу было в движении. Колыхалась трава, и какие-то кусты словно переплелись друг с другом, образуя странные фигуры с лицами, и мне, показалось, что я вижу что-то сидящее на корточках на верхушке пня, и оно выглядело как древесная жаба, только размером со здорового котика.

- Затем мы выехали из тени на верхушку холма, и она сказала: "Здесь! Ведь правда, это было захватывающее дело?" - словно она говорила о какой-нибудь прогулке в пивную на осенней ярмарке.

- Через пять минут мы выбрали еще на одну из ее лесных дорожек. Мне совсем не хотелось, чтобы нас окружали деревья - могу это совершенно точно сказать, - но здесь росли совсем обычные старые деревья. Через полчаса мы влетели на парковочную стоянку парка в Синевире. Она указала на свой небольшой счетчик пройденного пути и сказала: "Взгляни-ка, Джейк". Я посмотрел и увидел цифры - сто одиннадцать и шесть десятых миль. "Что вы теперь думаете? Вы по-прежнему не хотите верить в мой кратчайший путь?"

- Тот дикий облик, который был у нее во время этой бешеной поездки, куда-то уже исчез, и передо мной снова была Марго Хаер. Но все же ее необычный вид еще не полностью был вытеснен повседневным обликом. Можно было решить, что она разделилась на двух женщин, Марго и Диану, и та часть, которая была Дианой, управляла машиной на этих заброшенных и всеми забытых дорогах, а та ее часть, которая была Марго, даже не имела представления обо всех этих срезках расстояния и переездах через такие места... места, которых нет ни на одной карте Украины и даже на этих рекламных макетах.

- Она снова спросила: "Что вы думаете о моем кратчайшем маршруте, Джейк?"

- И я сказал первое, что мне пришло в голову, и это было не самыми подходящими словами для употребления в разговоре с леди типа Марго Хаер: "Это настоящая гильотина времени, миссис!".

- Она расхохоталась, развеселившись, и очень довольная. И я вдруг увидел совершенно ясно и четко, как в стеклышке: "Она ничего не помнит из всей этой езды. Ни веток ив - хотя они явно не были ветками, ничего даже похожего на это, - которые сорвали мою кепочку, ни той таблички "Нью ....", ни той жабообразной штуковины. Она не помнила ничего из всего этого бедлама! Либо все это мне померещилось во сне, либо мы действительно оказались там, в Синевире. И я точно знал, что мы проехали всего сто

одиннадцать миль и это никак не могло оказаться дневным миражом, поскольку чернобелые цифры на счетчике никак не могли быть чем-то нереальным, они прямо-таки бросались в глаза.

"Да, хорошо, - сказала она, - это было действительно хорошим секатором. Единственное, о чем я мечтаю, это заставить и нашу директрису как-нибудь проехаться этим же маршрутом,... но она никогда не выберется из своей привычной колеи, если только кто-нибудь не выдернет ее оттуда, да и то с помощью разве что фольксвагена, поскольку она соорудила себе отличную заморочку из своей работы. Давайте, Джейк, устроим нам небольшой обед".

- И она взяла мне такой смачный обед, что я и не помню, было ли у меня когда-нибудь что-то в этом роде. Но я почти ничего не съел. Я все думал о том, что мы, наверное, будем возвращаться тем же или похожим путем, а уже смеркалось. Затем она посреди обеда извинилась и пошла позвонить. Вернувшись, она спросила, не буду ли я возражать, если она попросит отогнать ее машину в Мукачево. Она сказала, что разговаривала с одной из подчиненных –по мобильному, и эта женщина сообщила, что у них там на работе возникли какие-то проблемы или еще что-то в этом духе. Поэтому ей не хотелось бы рисковать и ляпнуть что-то гневное, чтобы заодно не навлечь на себя и гнев директрисы, а потому будет разумнее, если машину отведу я. "Вы же не будете очень возражать, если я попрошу вас в сумерках сесть за руль?" - еще раз спросила она.

- Она глядела на меня, ласково улыбаясь, и я знал, что она все же помнила кое-что из дневной поездки - Бог знает, как много, но вполне достаточно, чтобы быть уверенной, что я не попытаюсь ехать ее маршрутом в темноте, - да и вообще... хотя я видел по ее глазам, что вообще-то это не столь уж беспокоит ее.

- Поэтому я просто сказал, что меня это никак не затруднит, и закончил свой обед куда лучше, чем начал его. Выйдя из машины, Марго глянула на меня с тем же бесовским огоньком в глазах и спросила: "А теперь вы действительно не хотите остаться и подождать здесь до утра, Джейк? Я заметила парочку ответвлений сегодня, и хотя не могу найти их на карте, думаю, что они позволили бы срезать еще несколько миль". При этом она сделала мягкое ударение на "ответвлений" да так, что я сразу представил себе Это и что будет если мы там застрянем. Странно, но страха не последовало.

Я ответил: "Ладно, миссис, мне бы хотелось, но в моем возрасте лучшей постелью будет готель, как мне кажется. Я отведу вашу машину и никак не поврежу ее, хотя, думается, сделаю это более длинным путем по сравнению с вашим".

Она рассмеялась, очень добродушно и поцеловала меня. Это был лучший поцелуй в моей жизни, хотя он был поцелуем в щеку, но он был словно спелый персик или словно те цветы, которые раскрываются ночью, и когда ее губы коснулись моей кожи, я почувствовал...вообщем тебе это знать не положено!

Я не скажу точно, что именно я почувствовал, потому что мужчине трудно описать словами, что он чувствует с девушкой, словно персик, когда он находится во вдруг помолодевшем мире.

Я все хожу вокруг да около, но думаю, что тебе и так все понятно. Такие вещи навсегда входят красной строкой в твою память и уже никогда не могут быть стертыми.

"Вы чудный человек, Джейк, и я люблю вас за то, что вы терпеливо слушали меня и поехали сюда со мной, - сказала она. - Правьте осторожно".

И я поехал в Мукачево.

- Каким путем ты поехал? - спросил я Джейка.

Он тихо рассмеялся. - По главной магистрали. Ты дурачина, - ответил он, и я еще никогда не видел столько морщинок на его лице.

Он сидел на своем месте и смотрел на небо.

- Пришло лето, и она исчезла на работе. О, я думал о ней время от времени, и о том дне, и об ее поцелуе, и мне начинало казаться, что все это было во сне, а не наяву. Словно в то время, когда мне было семнадцать и я не мог ни о чем думать, кроме как о девушках.

И наконец он сказал:

- Я увидел ее опять в начале июля, и она выглядела... - Джейк повернулся ко мне и сказал каждое слово очень медленно и четко, с большим нажимом:

- Она выглядела великолепно! Просто была великолепной и дикой и почти неукротенной. Те небольшие морщинки вокруг глаз, которые я заметил раньше, казалось, куда-то исчезли. Она стояла тут, на самом краешке террасы - а я был посредине ее, в рубашке навыпуск, - и она мне вдруг говорит: "Джейк, вы никогда не поверите в это".

"Нет, миссис, но я попытаюсь", - ответил я.

"Я нашла еще две новые дороги, - сказала Марго, - и добралась до Синевира в последний раз, проехав всего шестьдесят семь миль".

- Я помнил, что она говорила мне в прошлый раз, и ответил: "Это невозможно, миссис. Извините меня, конечно, но я проверял сам расстояние на карте в милях, и шестьдесят девять - это тот минимум, который нужен вороне для полета по кратчайшей прямой".

- Она рассмеялась и стала выглядеть еще красивей, чем прежде. Подобно богиням в солнечном свете, на одном из холмов, что описаны в древних сказаниях, когда на земле не было ничего, кроме зелени и фонтанов, а у людей не было морщинок и слез, потому что совсем не было причин для печали. "Это верно, - ответила она, - и вы не сможете пробежать мило быстрее четырех минут. Это математически доказано".

"Это ведь не одно и то же", - заметил я.

"Одно и то же, - возразила она. - Сложите карту и посмотрите, куда исчезнут все эти линии, Джейк. Их будет намного меньше, чем если бы вы ехали по самой прямой линии. И чем больше вы сделаете сгибов, тем меньше останется миль".

- Я еще хорошо тогда помнил нашу с ней поездку, хотя это и было словно во сне, а потому сказал: "Миссис, вы, конечно, легко можете сложить карту, но вы не сумеете сложить настоящую землю. Или, по крайней мере, вам не следует пытаться это делать. Нам следует не трогать это".

"Нет, сэр, - возразила она. - Это единственная сейчас вещь в моей жизни, которую я не могу не трогать, потому что она здесь и она - моя"

Тремя неделями позже она позвонила мне из Синевира. Она сказала: "Директриса уехала в Киев, и я еду домой. Я куда-то задевала свой ключ от дома, Джейк. Мне бы хотелось, чтобы ты открыл дом, и я могла бы попасть в него".

Этот звонок был около восьми вечера, и как раз начало смеркаться. Я перекусил сэндвичем с чаем перед уходом - не более двадцати минут. Потом я приехал домой. Все это вместе взятое не могло занять более тридцати минут. Когда я подходил к дому, я увидел огонек на кухне, который я никак не мог оставить ранее. Я посмотрел на этот свет с изумлением и почти побежал туда - и чуть было не столкнулся с "Купер-ом". Она была

припаркована так, словно это мог сделать только пьяный, и вся машина снизу доверху была забрызгана не то краской, не то грязью, а в этой жиже вдоль корпуса машины вкрапчивалось нечто типа морских водорослей... только когда фары другой машины осветили их, мне вдруг показалось, что они движутся. Эти растения не были морскими водорослями, но это была трава, похожая на водоросли, и они двигались... очень слабо и вяло, словно умирая. Я коснулся одной из них, и она попыталась обхватить мою руку. Ощущение было очень неприятным. Я отдернул руку и обтер ее об штанину. Я обошел машину и встал у ее передка. Тот выглядел словно пропахавший девяносто миль болот и низин. Выглядел очень усталым. Какие-то жуки были прилеплены по всему ветровому стеклу, только они не были похожи ни на одно известное мне насекомое, которое бы я ранее встречал. Среди них находился и мотылек размером с воробья, его крылья все еще слегка колыхались и подергивались, теряя остатки жизни. Были также какие-то существа, напоминавшие москитов, только у них можно было заметить глаза, и они, казалось, рассматривали меня. Я мог слышать, как налипшие растения царапают корпус автомобиля, умирая и стараясь за что-нибудь зацепиться. И все, о чем я мог думать, было: "Где же, черт возьми, она ехала? И как ухитрилась попасть сюда за две четверти часа?" Затем я увидел еще кое-что. Это было какое-то животное, почти расплющенное на решетке радиатора, чуть ниже бампера. Вообще-то большинство животных погибает под колесами автомобилей, потому что они прижимаются к земле, надеясь, что беда пронесется над ними. Но сплошь и рядом некоторые из них вдруг прыгают не в сторону, а прямо на чертову машину, и это безумие может привести к гибели не только животного, но и водителя с пассажирами - мне случалось слышать о таких происшествиях. Это создание, видимо, сделало то же самое. И оно выглядело так, что вполне смогло бы перепрыгнуть танк. Оно смотрелось словно произошедшее от спаривания хамелеона и ласки. Но на то, что осталось, лучше было бы не смотреть. Оно резало глаза, и даже хуже, оно ранило твое сознание. Оно имело огромные желтые глаза, только они уже окостенели. И зубы. Короткие, загнутые зубы, выглядевшие почти как штопальные иглы, вытащенные из его рта. Некоторые из них торчали прямо в решетке радиатора. Вот почему и вся эта тварь оставалась висеть на передке машины, она сама себя подвесила за счет острых и цепких зубов. Я рассмотрел ее и был абсолютно уверен, что голова ее очень напоминает велоцираптора, и прыгнула она на машину, как только заметила ее, для того, чтобы попытаться прикончить добычу. Рапторы считают добычей все что движется. Я подошел к дверце водителя и открыл ее. Сработал сигнал внутреннего освещения, и я смог глянуть на счетчик пройденного расстояния, который она всегда ставила на ноль перед началом любой поездки... и то, что я увидел, было тридцать одна и шесть десятых миль. Я смотрел на счетчик довольно долго, а затем подошел к входу в дом. Там была прикреплена записка. В ней было написано: "Дорогой Джейк, я добралась сюда чуть раньше, чем сама предполагала. Нашла еще более короткий путь - и не стала колебаться! Вы еще не прибыли сюда, и я решила зайти в свой дом. Если я не выйду поздороваться, знайте, я уже сплю. Поездка оказалась очень утомительной, но я почти не потеряла на нее времени! Марго."

"Утомительной!" - Я еще раз глянул на эту тварь, висящую на решетке радиатора, и подумал: "Да, сэр, она должна была быть чертовски утомительной. Клянусь Богом, да".

Он снова замолчал и щелкнул пальцами.

- Я видел ее еще один раз. Примерно через неделю.

"Миссис, - сказал я, - это не мое дело, конечно, но вам не следует больше раскатывать в одиночку. Той ночью я увидел нечто, прицепившееся к решетке радиатора спереди вашей машины..."

"А! Это лесная ящерица! Я позаботилась о ней", - ответила она.

"Боже! - воскликнул я. - Надеюсь, вы как-нибудь побереглись!"

"Я надела садовые перчатки, - сказала она. - Но ведь это не что иное, Джейк, как подпрыгнувшая вверх лесная, эээ, ящерица с небольшим запасом мозгов в голове".

"Но, миссис, - возразил я, - где же водятся такие безмозглые ящерицы? И если на ваших срезанных маршрутах попадают такие невинные создания, что же будет, если вам повстречается, медведь?" "Гм, а когда я сам видел медведя?" - подумал я.

- Она глянула на меня - и я увидел в ней другую женщину - ту самую Диану. "Если что-нибудь и меняется вдоль тех дорог, - сказала Марго, - то ведь и я, наверное, тоже меняюсь там. Взгляните на это".

- Ее волосы были собраны в завитушках и приколоты шпилькой. Она ее вытасила и распустила волосы. Ими можно было только любоваться, - они создавали ощущение какого-то мощного потока, вдруг вылившегося с головы Марго. Она сказала: "Они начали было сесть, Джейк. Вы видите теперь эту седину?" И она повернулась к солнцу, чтобы оно лучше осветило ее голову.

"Нет, мэм", - сказал я.

- Она посмотрела на меня, ее глаза заискрились, и она сказала: "Мои сотрудницы увидели меня на работе, и мы перебрались всего парой словечек, а я уже заметила, что они смотрят на мои волосы с тем выражением удовлетворения, которое понимают только женщины. Я знаю, что они скажут своим друзьям и подругам... что Марго Хаер начала красить свои волосы совершенно новой ринкель. Но я этого не делаю. Я просто потеряла свой прежний маршрут, ища кратчайшего пути не один и не два раза... потеряла свой маршрут... и потеряла седину". И она рассмеялась уже даже не как студентка колледжа, а как старшеклассница. Я восхищался ею и наслаждался ее красотой, но я также видел и следы другой красоты на ее лице... и я снова испугался. Испугался за нее и испугался ее.

"Миссис, - сказал я, - вы можете потерять не только седую прядь в ваших волосах"

"Нет, - ответила она, - я же говорила, что там я совсем другая... Я просто целиком делаюсь там другой. Когда я еду по дороге в своей машине, я уже не Марго Хаер, женщина, которая попыталась заняться педагогикой - да неудачно, или та женщина, что вечно сидит и делает записи во всех этих гробухах, или еще что-то или кто-то. Когда я на дороге за рулем, я нахожусь внутри своего сердца и чувствую себя подобно..."

"Диане", - подсказал я.

- Она посмотрела на меня с веселым и чуть удивленным видом, а затем рассмеялась. "О, да, подобно какой-нибудь богине, - согласилась Марго. - Она, наверное, лучше всего сюда подойдет, потому что я - живой человек, я люблю просиживать ночи напролет, пока не прочитаю свою книгу. Но в своем сердце каждая женщина мечтает походить на богиню, я так думаю - не случайно же мужчины слышат постоянное эхо этих дум и пытаются возвести женщин на пьедесталы - но то, что чувствует мужчина, вовсе не то, чего желает женщина. Женщина хочет быть свободной - это все. Стоять, если ей так хочется, или идти..." Ее глаза обратились на "Купер", стоявший на подъездной дорожке, и слегка сузились. Затем она улыбнулась. "Или править за рулем, Джейк. Мужчине этого не понять. Он думает, что богине нужно где-то нежиться, прохладиться

на склонах Олимпа и кушать фрукты, но ведь в этом нет ничего от бога или богини. Все, что хочет женщина - это то, что хочет и мужчина: женщина хочет управлять".

"Будьте осторожны там, где вы едете, миссис - это все, что нужно", - сказал я в ответ, а она снова засмеялась и наградила поцелуем в лоб.

- Она ответила: "Я буду осторожна, Джейк", но это ровным счетом ничего не значило, и я это сразу понял, потому что сказано это было именно тем тоном, каким отвечает муж своей жене в ответ на ее частые предупреждения об одной и той же опасности, когда он давно уже наперед знает, что на самом деле он не будет", не сможет.

На небе одно из этих толстобрюхих облаков достаточно сдвинулось, чтобы открыть нам уже появившуюся луну - полукружье, белое, как молоко. И что-то дрогнуло в моем сердце при этом зрелище - наполовину от чувства какого-то страха, наполовину от чувства любви.

- Я как раз верю, - ответил я, - каждому твоему слову. И даже если это и не правда, Джейк, это должно было бы быть ею.

Он порывисто обнял меня за шею, что делают все мужчины в тех случаях, когда они стесняются прибегать к поцелуям, словно женщины, затем рассмеялся и встал.

- Даже если бы это и не должно было бы быть правдой, это все же чистая правда, - сказал Джейк. Он достал часы из кармана и глянул на них. - Я пойду по дороге проверить, как там у озера. Ты не хочешь прогуляться?

- Лучше я посижу здесь немного, - ответил я, - и подумаю на досуге.

Он подошел к лесенке, затем обернулся ко мне, чуть улыбаясь.

- Думаю, что она была права, - заметил он. - Она совсем другая на этих дорогах, которые не уставала находить... не было ничего, что могло бы остановить ее. Тебя или меня, возможно, остановило бы, но не ее. И я думаю, она по-прежнему такая.

Это было год назад, и Джейк уже давно уехал в домой, как я уже говорил, по-моему. Однажды вечером перед отъездом он навестил меня. Его волосы были аккуратно причесаны, он был выбрит, и от него несло каким-то невообразимо приятным запахом спрея. Лицо было чисто и ясно, глаза - очень живые. Он сейчас выглядел никак не старше сорока, хотя ему уже перевалило за, и я был рад ему, хотя в душе чуточку завидовал и даже злился на него за этот его цветущий вид.

- Я уезжаю,

- Да?

- Да. У меня еще нет ни телефона, ни адреса, - сказал Джейк.

- Хорошо, - ответил я. - Это новый скансен, Джейк?

- Да, - сказал он, - именно скансен, для тех людей, кто хочет знать, куда я еду.

Я не хотел говорить этого, но все же произнес: - Как она сейчас выглядит?

- Как Диана, - ответил он, - но она лучше.

- Я завидую тебе, Джейк, - сказал я, и это было истинной правдой.

Я стоял у двери. Были летние сумерки, когда поля округ заполнены ароматами трав и цветов и таинственными светящимися кружевами. Полная луна направляла мощную волну серебристого света на озеро. Он прошел через мою веранду, а затем спустился по ступенькам крыльца. Машина стояла на обочине дороги, незаглушенный двигатель работал с ровным ревом, словно торопясь, как старый скакун, рвануться по прямой только вперед, как торпеда. Теперь,

когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что сам автомобиль был более всего похож на торпеду. Машина была чуть-чуть заляпана, но это никак не мешало ей проявлять свою скорость и мощь. Джейк остановился внизу у крыльца и что-то приподнял - это была его канистра с бензином, очень большая, никак не меньше, чем на двадцать литров. Он подошел к дверце автомобиля со стороны пассажирского сиденья. Она наклонилась и открыла дверцу. Зажглось внутреннее освещение автомобиля, и на мгновение я увидел ее - с длинными черными волосами вокруг лица. Он забрался в машину - и она укатила. Я стоял и смотрел на мерцающие огоньки во мраке, отбрасываемые ее волосами... они стремительно уменьшались и удалялись. Они были, как тлеющие угольки, затем как мерцающие светлячки, а потом и вовсе исчезли.

Скансен. Так я говорил всем нашим горожанам о Джейке. И они верили в этот скансен, потому что он находится столь далеко, сколько только они и могут вообразить своим рутинным сознанием. Иногда я и сам начинаю верить в это, особенно, когда устану и выдохнусь. В другое время я думаю о них по-другому - весь этот май, к примеру, потому что май - именно тот месяц, когда человек думает о далеких местах и дорогах, ведущих к ним. Я сижу на скамейке в кафе и думаю о Джейке Орни и той прекрасной женщине, которая открыла ему дверцу, когда он подошел к машине с доверху наполненной канистрой с бензином в правой руке - она ведь выглядела никак не старше девушки лет шестнадцати, и ее красота была магической, но я думаю, что это не оказалось бы смертельным для человека, повернувшегося к ней; ведь на мгновение ее глаза скользнули по мне - а я остался жив, хотя часть меня и умерла тут же у ее ног.

Олимп должен быть прославлен в глазах и сердцах, и всегда есть те, кто не только жаждет, но и находит пути к нему, быть может. Но я знаю, что Синевир - это словно тыльная сторона моей ладони, и я никогда не смогу покинуть его и искать кратчайшие пути среди всех возможных и невозможных дорог; а в мае небо над озером уже не напоминает о славе, а скорее навевает размышления обо всем происходящем, как и те большие белые облака, которые плывут наверху столь медленно и величаво. Я сижу на скамейке и думаю о Марго и Джейке Орни, и мне совсем не всегда и не обязательно находиться там, где находятся они.